

● «ПЕТЬ Я ЛЮБЛЮ, А ВОТ ФОТОГРАФИРОВАТЬ...»

ОТ КАЖДОГО ЗВУКА ЕГО ГОЛОСА...

● ВСПОМИНАЯ «ГОЛУБЫЙ ОГОНЕК».

● «В КУЗБАССЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СЛУШАТЕЛИ».

● «В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ СОЧИНЯЮ РОМАНСЫ».

● «ВСЬ ТАБОР СПИТ...»

● И ОН ЗАПЕЛ: «ЭХ, ТЫ, ВАНЯ...»

Комсомолец Кузбасса

г. Кемерово

19 2 АНВ 085

ВСЕГДА с затаенным страхом идешь брать интервью у знаменитости, даже если знаешь о нем много и на память зазубрил все вопросы, которыми надеешься засыпать своего героя. Впрочем, в филармонии подбодрили: обаятельный человек, общительный, разговорчивый, веселый. Характеристика была абсолютно точной, и все-таки в первый день «запланированного» разговора почти не получилось. Девяносто процентов вопросов так и остались в голове. Наверное, виной тому — время. До концерта оставалось полтора часа, а что можно узнать о человеке, даже известном, за такой промежуток времени? Ведь предупреждали в филармонии: искать Гуляева бесполезно. В гостинице он не отсиживается. Или бродит по городу и знакомится с достопримечательностями, или репетирует. Пока разговаривали, дважды заходил дирижер Степан Турчак и очень вежливо и деликатно напоминал о времени. В надежде еще раз побеседовать с певцом пришлось, не очень охотно, разговор закруглить. И все-таки кое-какие заметки, штрихи появились. Пусть даже это были традиционные ответы, может быть, на не совсем оригинальные вопросы: ваше впечатление о Кемерово, об аудитории, как вы стали певцом?

Он родился в Тюмени. Ему 38 лет. Как он говорит — это уже возраст и довольно-таки солидный для певца. Сибирь — его край, его родина. Сюда он приезжает не с чувством гостя. В Кемерово он второй раз. Удалось побывать в Новокузнецке и Прокопьевске.

— Я полюбил вашего слу-

шателя, очень искреннего, непосредственного, тонкого и умного. О таких встречах, когда устанавливается тесный контакт исполнителя с аудиторией, когда чувствуешь не обычное внимание, а глубокое понимание и очень точную реакцию на исполненные тобой произведения, невозможно забыть.

Певцом он стал не сразу и не вдруг. Да и не мечтал с детства им стать. Отлично играл на баяне, и педагоги отмечали его необыкновенную музыкальность. Впервые запел в восьмом классе, до этого стеснялся рот открыть. А «виной» тому — одноклассник и друг Гена Колмаков, первый солист школы. И не то, чтобы зависть, а мальчишеское упрямство и настойчивость заговорили: почему он может, а я нет. И попробовал, и запел, и тоже стал ведущим солистом в школе. Но все это не воспринималось всерьез, а было лишь увлечением. И даже потом, участв в Свердловском медицинском институте, долго не мог признаться самому себе, да и стыдно как-то было, что это не просто увлечение, что он уже не может не петь.

И все-таки верно говорят, что человек, однажды приобщившийся к искусству, навсегда остается во власти его. Творческая судьба начинающего певца складывалась необыкновенно тяжело. Слава пока явно его не искала и даже не намекала о себе. Трудно было во время вступительных экзаменов в консерваторию: не было вокальной подготовки, голос был неопределенным. Трудно было и во время учебы и после. Друг и

одноклассник Борис Штоколов с третьего курса пел ведущие партии в Свердловском оперном, а он, после пятого, в том же театре только-только начинал заявлять о себе. И опять уже не мальчишеское упрямство, а упорство: смогу и я... Он объясняет это очень лаконично:

— Природные данные само собой. Но не все дается, как говорится, от бога. Труд — всему основа. В первую очередь он дает возможность по каплякам отвоювать право занять свое место в искусстве и служить ему.

Для него это не громкие фразы, да и не в его манере говорить высокопарно, а слова, проверенные и подтвержденные всей его жизнью. За год работы в Свердловском оперном он смог убедиться в этом. На смену вторым и третьим партиям пришли ведущие: Валентина в «Фигаро», Елецкого в «Пиковой даме». А в Донецке, куда он был приглашен, и сейчас в Киевском академическом театре оперы и балета, где он поет вот уже восемь лет, у него весь ведущий репертуар.

Чувствую, что разговор так и закончится биографией, а столько вопросов хотелось задать! Уже на ходу отвечает: был в Венгрии, Югославии, Болгарии, Франции, Бельгии, Канаде, Швейцарии, на Кубе, был участником Всемирного фестиваля в Вене и почетным гостем последнего фестиваля. Мыслями он уже на сцене, на встрече с теми, кого успел полюбить. Он уже — Алеко, Ренато, Онегин, Роберто...

И все-таки вторая встреча с народным артистом СССР

Юрием Гуляевым состоялась. Появилась возможность продолжить разговор и вернуться к оставшимся вопросам. Помог наш фотокор. У него появились какие-то новые замыслы в съемке певца, ради решения которых он не оставался ни перед каким званием, твердо уверовав в том, что смелость города берет. Не знаю, как бы все это обернулось, будь то кто-то другой, а не Юрий Гуляев. Только еще раз пришлось убедиться в данной ему характеристике: простой, обаятельный, веселый, общительный. И еще в одной точной черточке, данной уже слушателями: безотказный. Он с удивительной доброжелательной гуляевской улыбкой разводит руками:

— Петь я люблю, а вот фотографироваться...

И тут же приходит на помощь. Он не позирует. Он просто продолжает начатый день назад разговор, давая возможность задавать вопросы, а фотографу найти нужный кадр.

— Главное в моей жизни, конечно, опера. И о работе оперного певца можно говорить до бесконечности. Любимые партии! Это то, что дается труднее и все-таки получается. Меня всегда привлекали сильные драматические характеры, порой переживаю и жалею, что голос мой несколько мягкий, лиричный для исполнения, допустим, таких партий, как Алеко или Ренато.

И все-таки одно из наиболее сильных впечатлений сегодняшних концертов в Кемерово связано с каваатиной Алеко из одноименной оперы Рахманинова. Тончайшие нюансы голо-

са, очень выразительная мимика, жесты певца помогли иначе услышать эту прекрасную, но до невероятности «запетую» арию. Гуляев по-своему очень эмоционально и убедительно поведал нам горестную поэму о любви и разочаровании, о ревности и страсти. Он помог как бы заново почувствовать красоту и прелесть арии.

Фотокор явно нервничал. Затрачена вся пленка, а найден лишь один удачный, по его мнению, кадр. На сей раз ему нужен обязательно поющий Гуляев. Тот понимающе кивает, работа есть работа, на мгновение задумывается, и мы становимся свидетелями перевоплощения певца. Певца-актера. Он начинает петь Алеко. Затем также неожиданно останавливается и смеется: «Есть кадр?».

Многие знают Гуляева и как исполнителя песен. И на вопрос о его отношении к ним он отвечает:

— Очень люблю камерные концерты и всегда уделяю этой работе много внимания. Хотя работать над ними трудно: ты — не только исполнитель, но и составитель репертуара, режиссер и даже, если хотите, администратор. Люблю эстрадную песню и не согласен с теми, кто утверждает, что оперные певцы не должны ею увлекаться. Целиком и полностью за песню. Другое дело: какая она и как ее исполнить. Я — за песню, построенную на голосе, высокую по мысли, чтобы она была трудом, творческим материалом для певца. Я — за песню-оружие, воспитываю-

щую, заставляющую не только переживать, но и думать.

Вот почему ему ближе наполненные гражданственностью песни Пахмутовой, своеобразные и интеллектуальные Таривердиева. И, наверно, не так уж плохо, что любители эстрады видят в нем прежде всего эстрадного певца, любители камерной музыки — прекрасного исполнителя романсов и народных песен, любители оперы — оперного. В этом — многогранность своеобразного и яркого таланта Гуляева, обладающего не только густым и «обволакивающим», мягким и в то же время насыщенным металлом голосом, но и умеющего превосходно владеть дикцией, мимикой, умеющего вести себя на сцене — непосредственно и строго, без «сверхэффективных» жестов.

Вспоминается один из «Голубых огоньков» Центральной студии телевидения, посвященный Дню Советской Армии. Гуляеву позвонили из Москвы и предложили спеть известную песню «На безымянной высоте», сообщив, что на встрече будут присутствовать два чуда оставшихся в живых героя этой песни. Он не раздумывал. Он знал, что должен спеть. Режиссер не запланировал (да и не мог этого сделать) создавшуюся в момент исполнения песни атмосферу зала. Песня будто прорвалась через границы режиссерского замысла, наперекор заранее тщательно проведенным репетициям. Песня напоминала о погибших героях, о товарищах этих двух посевших солдат. Она стала для всех минутой молчания, памятником. Такой ее сделал Юрий Гуляев.

На вопрос: ваш любимый композитор — классик? — он ответил:

— Русские композиторы, Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, Римский-Корсаков. Преклоняюсь перед русской народной песней.

Он как-то чуть горестно наклоняет голову и, глубоко вздохнув, совсем тихо начинает: «Эх ты, Ваня», ту самую, от которой на концерте воцарилась такая напряженная тишина. Зал аплодировал его Онегину, Ренато, Роберто, Алеко, но этим двум песням — «Эх, ты, Ваня», «Не велят Маше за реченьку ходить...» зал аплодировал особо, с благодарностью, признательностью. Он исполнял их без сопровождения, и в том была и особая прелесть, и глубина, и драматизм, и напевность русских песен. В них была русская душа. И невольно вспомнились тургеневские «Певцы»:

«...И, расширяясь, полилась заунывная песня... И всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаю, редко слышал подобный голос... В нем была и неподдельная глубина, страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны.

Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль...»

Л. ФЕДОРОВА.
Фото В. Шишватова.